

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headdress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region)	60
<i>Lidzhiyeva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (470.23–25+571) "189/1915":314.04 (=112.2)

DOI 10.14258/nneur(2026)3–04

А. А. Кайряк

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, г. Пушкин (Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И СТЕПНОГО КРАЯ)

В статье на основе метрических книг лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии и Омского уезда Акмолинской области (Степной край) анализируются региональные различия в демографическом развитии российских немцев в конце XIX — начале XX в. Сопоставляются динамика рождаемости и смертности, возрастная структура, а также роль миграции. Показано, что в старых колониях под Санкт-Петербургом, несмотря на лучший доступ к медицинской помощи, высокая плотность населения и тесные контакты со столицей способствовали быстрому распространению эпидемий. В Омском уезде решающим фактором роста численности была миграция (доля самовольных переселенцев достигала 42,6%), а изолированность колоний замедляла передачу инфекций, но при заносе оспы в 1915 г. отсутствие вакцинации и врачей привело к тому, что на оспу пришлось 44% всех смертей. Первая мировая война снизила рождаемость в Санкт-Петербургской губернии вдвое, тогда как в Омском уезде падение было незначительным благодаря притоку переселенцев. Делается вывод, что демографическое развитие российских немцев не было единообразным и определялось местными санитарно-гигиеническими условиями, близостью крупного города и интенсивностью миграции.

Ключевые слова: российские немцы, Санкт-Петербургская губерния, Степной край, Омский уезд, демографическое развитие, рождаемость, смертность, миграция, метрические книги, эпидемии, Первая мировая война.

Для цитирования:

Кайряк А. А. Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 60–75. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-04)

Кайряк Анна Алексеевна, мл. научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин (Россия). **Адрес для контактов:** anna_solveig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2197-1565>

A. A. Kairiak

Pushkin Leningrad State University, Sankt-Petersburg, Pushkin (Russia)

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN GERMANS IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG PROVINCE AND STEPPE REGION)

Based on the metric books of the Lutheran parishes of St. Petersburg province and Omsk district of Akmola region (Steppe Region), the article analyzes regional differences in the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries. The dynamics of fertility and mortality, age structure, and the role of migration are compared. It is shown that in the old colonies near St. Petersburg, despite better access to medical care, high population density and close contacts with the capital contributed to the rapid spread of epidemics. In Omsk County, migration was a decisive factor in population growth (the proportion of unauthorized immigrants reached 42.6%), and the isolation of the colonies slowed down the transmission of infections, but with the introduction of smallpox in 1915, the lack of vaccination and doctors led to smallpox accounting for 44% of all deaths. The First World War reduced the birth rate in St. Petersburg province by half, while in Omsk county the drop was insignificant due to the influx of immigrants. It is concluded that the demographic development of Russian Germans was not uniform and was determined by local sanitary and hygienic conditions, the proximity of a large city and the intensity of migration.

Keywords: Russian Germans, St. Petersburg province, Steppe region, Omsk district, demographic development, birth rate, mortality, migration, metric books, epidemics, the First World War.

For citation:

Kairiak. A. A. Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region).

Nations and religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 60–75.

[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-04](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-04)

Kairiak Anna Alekseyevna, Junior Researcher at the Scientific Research Center for Historical Research and Analysis, A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin (Russia). **Contact address:** anna_solveig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-2197-1565>

Введение

История российских немцев конца XIX — начала XX в. обычно рассматривается либо сквозь призму законодательства, либо в контексте хозяйственной деятельности колонистов. Демографическая составляющая при этом нередко остаётся на втором плане, а если и попадает в поле зрения исследователей, то чаще всего в обобщённом виде, без учёта региональной специфики. Между тем условия жизни немецкого населения в старых колониях, основанных ещё в XVIII в. под Санкт-Петербургом и в возникших в конце XIX в. поселениях Степного края (на примере Омского уезда Акмолинской области), различались кардинально.

Специальных сравнительных работ по демографии немецких колоний Санкт-Петербургской губернии и Сибири до сих пор не появилось. Санкт-петербургские колонии привлекали внимание исследователей ещё в дореволюционное время. П. И. Кёппен в середине XIX в. обратил внимание на численность и сословный состав немецкого населения столичной губернии [Кёппен, 1850], а Г. Г. Писаревский писал об иностранной колонизации в XVIII в. [Писаревский, 1909]. В советский период этническая специфика долгое время не была в фокусе внимания, и лишь в 1970–80-е гг. появились исследования Н. В. Юхнёвой, посвящённые в первую очередь городским немцам Санкт-Петербурга [Юхнёва, 1984]. Ситуация изменилась в постсоветское время, когда вышли работы В. Н. Шайдунова, Н. А. Осипова и А. А. Кайряк, опирающиеся на данные из метрических книг и ревизских сказок [Шайдунов, Осипов, 2024; Кайряк, 2023].

Немецкая крестьянская колонизация Сибири и Степного края — область более молодая в историографическом плане. Систематическое изучение началось только в 1990-е гг., когда в Алма-Ате В. Э. Кригер защитил диссертацию о социально-экономическом развитии немецкой переселенческой деревни Казахстана, где немалое место отводилось и Омскому округу [Кригер, 1991]. В середине 1990-х гг. выходит монография В. И. Бруля, посвящённая истории немецкого населения в Западной Сибири [Бруль, 1995]. Затем вышли более детальные работы А. Р. Бетхера, посвящённые хозяйственным различиям внутри немецкой диаспоры Западной Сибири [Бетхер, 2004], и А. Э. Маттиса, который проанализировал динамику численности немецких колонистов в сибирских губерниях [Маттис, 1998]. И. В. Нам в своей работе рассмо-

трела немецкие колонии Сибири в контексте проблемы диаспоральности, обратив внимание на внутреннюю организацию общин [Нам, 2000]. Однако наиболее полно процесс переселения, землеустройства и первоначального хозяйственного освоения описан в трудах П. П. Вибе [Вибе, 1999; Вибе, 1998]. Его монография «Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект» подводит итог многолетним исследованиям автора [Вибе, 2007]. На основе широкого круга источников (включая делопроизводство Переселенческого управления) он реконструировал основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири, показал роль Омского уезда как одного из первых очагов и дал ценные демографические характеристики переселенческих семей.

Особенностью историографии является рассмотрение немецких переселенческих сообществ в границах одной административной единицы (губернии) [Шайдуров, Генслер, 2025] и без сравнения равнозначных явлений. На этом фоне следует отметить монографию В. Н. Шайдурова, в которой история немцев Западной Сибири (формирование, включенность в хозяйственную жизнь региона, особенности демографического развития) рассматривается в сравнении с еврейской и польской общинами [Шайдуров, 2013].

Демографическое развитие российских немцев не является популярным предметом у историков. Тем не менее, в историографии присутствуют работы на эту тему.

Цель работы — сравнить, как различались рождаемость, смертность и возрастной состав населения в двух регионах. Основным источником послужили метрические книги Санкт-Петербургских и омских лютеранских приходов. Они велись достаточно единообразно, что позволяет проводить сопоставления, хотя, разумеется, с оговорками о неполноте и разной степени сохранности записей, особенно на начальном этапе колонизации Сибири.

Исследование опирается на два комплекса метрических книг. По Санкт-Петербургской губернии — это записи о рождениях, браках и смертях в лютеранских приходах Ново-Саратовки и Стрельны за 1894–1915 гг. [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180]. По Омскому уезду — метрические книги Омской евангелическо-лютеранской церкви за те же годы [ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4, 5, 8]. Эти источники имеют как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, священники достаточно аккуратно фиксировали возраст, причины смерти (хотя последние нередко выглядят архаично — «родимчик», «ломота», «судороги»), социальное положение и семейный статус. С другой стороны, полнота охвата населения остаётся под вопросом: не все прихожане могли попасть в книги, особенно в Омском уезде, где часть немцев жила на хуторах вдали от церкви. К тому же метрические книги, скорее всего, фиксировали далеко не всё население уезда — об этом говорят подозрительно низкие абсолютные цифры рождения. Тем не менее динамика и структура показателей, как представляется, отражают реальные процессы.

Помимо метрических книг использовались опубликованные материалы — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Сведения о состоянии переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей в 1899 г., а также итоги сельскохозяйственной и демографической переписи 1920 г. по Омской губернии.

Численность и расселение немецкого населения

В Санкт-Петербургской губернии к концу XIX в. насчитывалось около 40 немецких колоний. Численность собственно колонистов (без учёта немцев, проживавших в самом Санкт-Петербурге) составляла, по разным данным, примерно 3,8 тысячи человек. За межпереписной период 1871–1897 гг. наиболее заметный рост показал Шлиссельбургский уезд — более чем втрое, хотя здесь, скорее всего, сыграло роль не только естественное движение, но и несовершенство ранних статистических учётов (в более ранних ревизиях часть населения могла быть просто не учтена) [НА РГО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1903]. В целом же сельское немецкое население губернии росло довольно умеренно, и главным источником этого роста был естественный прирост, а не приток извне.

Совсем иная картина наблюдалась в Степном крае. Первые немецкие поселения в Омском уезде Акмолинской области появились в середине 1890-х гг. В 1899 г. в шести колониях Александровской волости — Привальном, Красноярке, Александровском, Поповкине, Новинке и Сосновке — проживало 377 семей, в том числе 1108 мужчин и 997 женщин, то есть всего 2105 чел. [Сведения о состоянии переселенческих поселков, 1899: 2–3]. Соотношение полов ($1108/997 = 1,11$) отражало типичный для начального этапа колонизации перевес мужчин. К 1910 г., по подсчётам П. П. Вибе, в Омском уезде уже насчитывалось 16 немецких селений с населением 6296 чел., а к 1915 г. — около 15 тыс. (с учётом так называемых неприписанных, или самовольных, переселенцев, доля которых постоянно росла) [Вибе, 2007: 52].

Следует также отметить, что Омск, хотя и был крупным по сибирским меркам городом, не мог сравниться с Санкт-Петербургом по уровню медицинского обслуживания и санитарного надзора. Немецкие поселения находились в 20–50 верстах от Омска, но связь с городом была эпизодической и помощь врачей — редкой. В санкт-петербургских колониях, напротив, многие колонисты имели возможность обращаться в столичные больницы и аптеки, а отхожие промыслы в городе были обычным делом.

Рождаемость

Абсолютные данные о рождениях (табл. 1) показывают противоположную динамику в двух регионах. В санкт-петербургских колониях пик рождаемости приходится на 1901 г., после чего начинается устойчивый спад, особенно резкий в годы Первой мировой войны. В Омском уезде, напротив, число рождений неуклонно растёт вплоть до 1913 г., а в 1915 г. снижается незначительно. Причина такой разницы кроется в разных факторах. В Санкт-Петербургской губернии рождаемость начала снижаться ещё до войны — сказывались близость столицы, отходничество, иной уклад жизни, а позже добавилась мобилизация. В Омском уезде рост обеспечивался постоянным притоком молодых переселенческих семей и сохранением традиционной модели многодетности в аграрной среде. Рост абсолютных цифр также отражает увеличение самого немецкого населения в уезде за счёт миграции.

Однако абсолютные цифры не позволяют напрямую сравнивать регионы, поскольку численность населения в них разная. Поэтому мы рассчитали общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел. населения в год). Чтобы оценить уровень рождаемости в Санкт-Петербургской губернии, обратимся к Ново-Са-

ратовскому приходу, где численность прихожан в 1896 г. составляла 4740 чел. [РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 1]. Коэффициент рождаемости здесь достигал 43,1‰ в 1894 г. и 47,6‰ в 1899 г., что типично для аграрного общества. В последующие годы коэффициент снизился (в 1913 г. — около 29‰, в 1915 г. — около 24‰). Эта тенденция началась ещё до войны и, вероятно, связана с влиянием столичного окружения.

Таблица. 1

**Число родившихся в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии
и Омского уезда в 1894–1915 гг. (по данным метрических книг)¹**

Table. 1

**The number of people born in the German colonies of St. Petersburg province and
Omsk District in 1894–1915² (according to metric books)³**

Год	Санкт-Петербургская губерния (чел.)	Омский уезд (чел.)
1894 г.	395	49
1899 г.	412	80
1901 г.	481	62
1913 г.	264	116
1914 г.	279	106
1915 г.	240	99

Для Омского уезда известна численность немецкого населения по переписям: в 1897 г. — 3315 чел. [Наличное население обоого пола по уездам, 1905: 36], в 1920 г. — 27 200 чел. [Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии, 1923: 61] Используя эти данные, можно приблизительно оценить численность немцев в промежуточные годы и рассчитать коэффициенты рождаемости. Полученные коэффициенты для Омского уезда (от 4,3 до 17,5‰) заметно ниже, чем в Санкт-Петербургских колониях. Это не означает, что рождаемость у сибирских немцев была низкой. Дело в том, что при работе с метрическими книгами выяснилось: они фиксировали рождения далеко не во всех немецких колониях Омского уезда, а только в некоторых из них (например, в Поповкино и Новинке). Переписи же 1897 г. и 1920 г. учитывали всё немецкое население уезда. Поэтому абсолютные числа рождений, взятые из метрических книг, занижены по сравнению с реальным количеством новорождённых среди всех немцев уезда. По этой причине рассчитанные нами коэффициенты рождаемости для Омского уезда отражают ситуацию лишь в тех колониях, которые были охвачены церковным учётом, и их нельзя напрямую сравнивать с коэффициентами по Санкт-Петербургской губернии, где метрические книги велись полно. Однако динамика абсолютных чисел (табл. 1) по-прежнему показательна: в Омском уезде число зафиксированных рождений росло до 1913 г., тогда как в Санкт-Петербургской губернии оно сокращалось.

¹ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об. — 277 об.].

² Comp. by [TsGIA SPb. F. 2294. Inv. 1. File 8, 26, 40, 144, 166, 180; IAOO. F. 80. Inv. 1. File 4. List 96 vol. — 277 vol.].

³ Там же.

Ещё один важный показатель — распределение рождений по месяцам. В традиционном аграрном обществе максимум зачатий приходится на весну (когда крестьяне меньше заняты полевыми), а роды, соответственно, на зиму. В городской или пригородной среде сезонность сглаживается. Наши данные по Омскому уезду (табл. 2) показывают типичную для аграрных обществ картину.

Таблица 2

**Распределение рождений по месяцам в немецких колониях Омского уезда
(суммарно за 1894, 1899, 1901, 1913, 1914, 1915 гг.)⁴**

Table 2

**Distribution of births by month in the German colonies of Omsk county
(total for 1894, 1899, 1901, 1913, 1914, 1915 years)⁵**

Месяц	Всего рождений	Доля от общего числа, %
Январь	55	10,7
Февраль	35	6,8
Март	60	11,7
Апрель	39	7,6
Май	36	7,0
Июнь	27	5,3
Июль	41	8,0
Август	40	7,8
Сентябрь	41	8,0
Октябрь	39	7,6
Ноябрь	39	7,6
Декабрь	45	8,8
Итого	497	100

Как видно из таблицы, максимум рождений приходится на март (11,7% от общего числа), январь (10,7%) и декабрь (8,8%). Летние месяцы, особенно июнь (5,3%), характеризуются самым низким уровнем рождаемости. Такое распределение характерно для крестьянского общества, где ритм жизни подчинён сельскохозяйственному календарю. В Санкт-петербургских колониях распределение рождений по месяцам в целом следовало тому же сельскохозяйственному календарю, что и в Омском уезде, однако амплитуда сезонных колебаний была заметно ниже. Если в Омске разница между пиковым и минимальным месяцем достигала 6–7 процентных пунктов, то в Санкт-Петербурге отклонения от среднемесячного показателя по каждому месяцу не превышали 2–3%. Это объясняется близостью столицы, где значительная часть населения была занята не только в поле, но и в ремёслах, отходничестве, промышленности, что сглаживало традиционный аграрный ритм.

Наконец, заслуживает внимания доля незаконнорожденных. В Санкт-петербургских колониях такие случаи были исключительными. Почти все дети, записанные в метри-

⁴ Сост. по: [ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об. — 277 об.].

⁵ Comp. by [IAOO. F. 80. Inv. 1. File 4. List 96 vol. — 277 vol.]

ческих книгах, рождались в браке. В Омском уезде картина иная. Уже в 1894 г. из 49 родившихся четверо (8,2%) были отмечены как внебрачные. В 1901 г. — двое из 62 (3,2%), в 1914 г. — трое из 106 (2,8%), в 1915 г. — двое из 99 (2,0%). Хотя в абсолютных числах это немного, сам факт наличия внебрачных детей, пусть и редких, говорит о менее жёстком социальном контроле в переселенческой среде, о временных разрывах семей, а также о временном проживании в неприписанных (самовольных) хозяйствах, где семейный статус мог быть не вполне оформлен.

Смертность

Для Санкт-Петербургской губернии известна численность лютеранских приходов, что позволяет рассчитать коэффициенты смертности. В Ново-Саратовском приходе в 1908 г. коэффициент достиг 41,4‰, в Стрельнинском в 1909 г. — 50,0‰. Оба максимума связаны с эпидемией холеры 1908–1909 гг. Для Омского уезда рассчитать общий коэффициент смертности некорректно, поскольку метрические книги охватывали лишь часть немецких колоний, а не всё немецкое население уезда. Поэтому мы представим абсолютные числа умерших (табл. 3).

Таблица 3
Число умерших в немецких колониях Омского уезда (1908 и 1915 гг.)⁶

Table 3

The number of deaths in the German colonies Omsk District (1908 and 1915)⁷

Год	Муж. п. (чел.)	Жен. п. (чел.)	Всего (чел.)
1908	64	64	128
1915	42	42	84

В таблице 4 приведены данные по возрастному распределению умерших в Ново-Саратовском и Стрельнинском приходах за несколько лет, а также в Омском уезде за 1908 и 1915 гг. Обращает на себя внимание, что в обоих регионах основную массу умерших составляли дети до 1 года и дети младшего возраста.

Таблица 4
Возрастное распределение умерших (абсолютные числа и проценты)⁸

Table 4

Age distribution of the deceased (absolute numbers and percentages)⁹

Год, приход	До года	1–8 лет	9–15 лет	16–60 лет	Старше 60 лет	Всего
1894 г., Ново-Саратовский	53 (34%)	39 (25%)	4 (3%)	36 (23%)	25 (16%)	157
1894 г., Стрельнинский	10 (21%)	6 (13%)	1 (2%)	16 (34%)	14 (30%)	47
1908 г., Ново-Саратовский	69 (36%)	31 (16%)	3 (2%)	43 (22%)	46 (24%)	192
1915 г., Стрельнинский	50 (33%)	20 (13%)	8 (5%)	37 (25%)	35 (23%)	150
1908 г., Омский уезд	50 (39%)	25 (20%)	18 (14%)	24 (19%)	11 (9%)	128
1915 г., Омский уезд	12 (14%)	32 (38%)	18 (21%)	14 (17%)	8 (10%)	84

⁶ Сост. по: [ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8. Л. 65 об. — 89; Л. 189 об. — 190; Л. 192 об. — 200].

⁷ Comp. by [ИАОО. F. 80. Inv. 1. File 8. List 65 vol. — 89; List 189 vol. — 190; List 192 vol. — 200].

⁸ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8].

⁹ Comp. by [TsGIA SPb. F. 2294. Inv. 1. File 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. F. 80. Inv. 1. File 8].

Сравнение динамики смертности в двух регионах невозможно без учёта санитарно-гигиенических условий. В колониях под Санкт-Петербургом были относительно лучше развиты водоснабжение и доступ к врачебной помощи. Однако высокая плотность населения и постоянные контакты со столицей ускоряли распространение инфекций, что и привело к высоким показателям смертности во время эпидемии холеры 1908–1909 гг. В Омском уезде плотность населения была значительно ниже, поселения располагались на большом расстоянии друг от друга, что замедляло передачу болезней. Но когда инфекция (например, оспа в 1915 г.) всё же достигала Омского уезда, отсутствие вакцинации и квалифицированной медицинской помощи приводило к тяжёлым последствиям: оспа составила 44% всех смертей.

В санкт-петербургских колониях доля умерших младенцев (до 1 года) стабильно высока — 21–36% от всех смертей. Общая доля детской смертности (до 10 лет) достигает 50–60%. Это типичная картина для доиндустриального общества, где инфекции и отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к высокой смертности детей в первую очередь.

В Омском уезде в 1908 г. фиксируется схожая возрастная структура смертности. Доля смертности детей до 1 года составляла 39%, а детей до 15 лет — 73%. Однако в 1915 г. происходит резкий сдвиг: доля смертности младенцев падает до 14%, а доля смертности детей 1–4 лет вырастает до 38%. Это связано с оспенной эпидемией, которая поражала в основном детей, уже вышедших из младенческого возраста, но ещё не имевших иммунитета. Этот сдвиг наглядно показывает, как конкретное инфекционное заболевание меняет возрастной профиль смертности.

Таблица 5

Основные причины смерти в немецких колониях (% от всех смертей)¹⁰

Table 5

The main causes of death in the German colonies (% of all deaths)¹¹

Причина смерти	Ново—Сарат., 1908 г.	Ново—Сарат., 1915 г.	Омский уезд, 1908 г.	Омский уезд, 1915 г.
Воспаление легких	11,5%	14,0%	3,1%	—
Холера	3,6%	—	—	8,3%
Коклюш	5,7%	3,3%	—	—
Скарлатина	5,7%	2,7%	12,5%	2,4%
Дифтерия	1,6%	3,3%	5,5%	—
Судороги	3,6%	2,7%	20,3%	1,2%
Чашотка	8,9%	1,3%	3,1%	3,6%
Слабость	7,3%	5,3%	—	—
Родимчик	1,0%	8,7%	—	—
Оспа	—	1,3%	—	44,0%
Тиф	—	0,7%	0,8%	17,9%

¹⁰ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180; ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8].

¹¹ Comp. by [TsGIA SPb. F. 2294. Inv. 1. File 8, 26, 40, 144, 166, 180; IAOO. F. 80. Inv. 1. File 8].

Анализ причин смерти (табл. 5) позволяет понять, от чего именно умирали немецкие колонисты. Для Санкт-Петербургских колоний мы имеем развернутые списки диагнозов, для Омского уезда — более сжатые, но тоже информативные. В таблице приведены только самые частые причины, дававшие не менее 5% от общего числа смертей.

В Санкт-Петербургских колониях основными причинами смерти на протяжении всего периода были инфекционные и респираторные заболевания: воспаление лёгких, коклюш, скарлатина, дифтерия. В 1894 г. и 1908 г. среди причин также фиксировалась холера. Высокая доля диагнозов «слабость» и «родимчик» соответствует младенческой смертности, за этими названиями, вероятно, скрываются различные инфекции, рахит и недоношенность. Туберкулёз («чахотка») давал 7–9% смертей в конце XIX в., однако к 1915 г. его доля снизилась до 1,3%.

В Омском уезде в 1908 г. наиболее частыми причинами смерти были скарлатина, «судороги», диарейные заболевания и дифтерия. Эпидемии холеры в Омске в 1908 г. не зафиксировано. В 1915 г. структура причин резко изменилась: оспа составила 44% всех смертей, тиф — 17,9%, холера — 8,3%. Такое распределение характерно для периода военных перемещений, когда инфекции активно распространялись в условиях ухудшения санитарной обстановки.

В Санкт-Петербургских колониях гендерное распределение умерших было неоднородным. В Ново-Саратовском приходе в большинстве лет мужчины умирали чаще женщин: в 1894 г. — 59,9% мужчин, в 1908 г. — 56,1%, в 1913 г. — 60,4%. Исключения составили 1899 и 1901 гг., когда женщин умирало больше (51,6% и 57,5% соответственно). В Стрельнинском приходе, напротив, в 1899, 1909 и 1914 гг. женщины умирали значительно чаще (66,0%, 60,0%, 73,2%). В 1915 г., уже в условиях войны, мужская смертность в Стрельне резко выросла до 65%, что, вероятно, связано с ранением и болезнями мобилизованных. В Омском уезде, как в 1908 г., так и в 1915 г., соотношение полов среди умерших было равным. Это может объясняться более равномерным распределением тяжёлого физического труда между мужчинами и женщинами на начальном этапе освоения земель.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи смерти женщин при родах. В Санкт-Петербургских метрических книгах они фиксируются ежегодно: в 1894 г. — 1 случай, в 1899 г. — 1, в 1901 г. — 3, в 1908 г. — 2, в 1914 г. — 1, в 1915 г. — 1. Это показывает, что даже в относительно благополучных колониях под Санкт-Петербургом, где имелась определённая медицинская помощь, роды оставались сопряжены с высоким риском. В Омском уезде в 1915 г. также отмечена одна смерть при родах. Вероятно, таких случаев было больше, но в метрических книгах они могли быть зафиксированы под другими диагнозами («слабость», «кровоизлияние»).

Влияние Первой мировой войны

Война 1914–1918 гг. стала тяжёлым испытанием для немцев обоих регионов, но последствия были разными. В Санкт-Петербургской губернии, как уже отмечалось, рождаемость упала вдвое по сравнению с 1901 г., когда рождаемость была самой высокой. Смертность, особенно мужская, выросла: в Стрельне в 1915 г. мужчины составили 65% умерших. В метрических книгах этого года появляются новые причины смер-

ти — «гангрена», «заражение крови», что связано с военными ранениями. Кроме того, ухудшение питания и условий жизни привело к росту воспалительных заболеваний.

В Омском уезде рождаемость снизилась не столь значительно (на 15%), однако структура смертности изменилась иначе, чем в Санкт-Петербургской губернии. Основной причиной роста смертности стали не прямые военные действия, а инфекционные заболевания, распространению которых способствовали перемещения войск и общее ухудшение санитарных условий. В 1915 г. оспа составила 44% всех смертей в Омском уезде, тиф — 18%. Несмотря на это, общая численность немецкого населения в уезде продолжала расти за счёт новых переселенцев, которые направлялись в Сибирь из европейской части России.

Заключение

Проведённое исследование позволяет обобщить основные различия в демографическом развитии российских немцев в двух регионах. В старых колониях Санкт-Петербургской губернии сохранялся традиционный аграрный уклад с высокими показателями рождаемости (коэффициент до 45,8‰) и смертности (в эпидемические годы — до 50‰). В губернии была высока младенческая смертность (30–47% от всех смертей), устойчивая возрастная пирамида (дети до 15 лет — около 50%, люди пожилого возраста — около 5%), слабая миграция, почти полное отсутствие внебрачных рождений. Первая мировая война привела к резкому падению рождаемости (на 50% по сравнению с 1901 г.) и росту мужской смертности. В целом эта картина была близка к той, что существовала в крестьянских обществах Европейской России, хотя с некоторой спецификой (более высокая грамотность, лучшее питание, что, вероятно, сдерживало смертность в неэпидемические годы).

В Степном крае (на примере Омского уезда) главную роль играла миграция. Рост численности населения определялся переселением (доля самовольных семей достигала 42,6% к 1911 г.) [Вибе, 2007: 52]. Размер семьи при водворении резко сокращался (с 7,33 до 5,42 чел.) — это свидетельствует о переходе от многопоколенной к нуклеарной семье. Рождаемость в абсолютных цифрах росла до 1913 г., а её спад в годы войны был незначительным. Смертность носила ярко выраженный эпидемический характер: в 1915 г. доля смертей от оспы составила 44% всех смертей. Доля детей до 15 лет была высокой (46,6%), тогда как доля пожилых людей составляла всего 3,6%. Гендерный дисбаланс в возрасте 20–24 года (65 мужчин на 100 женщин) стал прямым следствием войны. Внебрачная рождаемость здесь была выше, чем в Санкт-Петербурге, что отражало менее устоявшиеся семейные устои в переселенческой среде.

Общим для обоих регионов стала уязвимость перед инфекционными заболеваниями и недостаток квалифицированной медицинской помощи, особенно детской. И в Санкт-Петербурге, и в Омске основными причинами смерти были детские инфекции (скарлатина, коклюш, дифтерия) и, в отдельные годы, холера или оспа. Однако если в Санкт-Петербургской губернии война вызвала значительное снижение рождаемости и увеличение мужской смертности, то в Степном крае она лишь замедлила рост, но не остановила его благодаря продолжавшемуся притоку переселенцев.

Ключевым фактором, определившим различия, стали санитарно-гигиенические условия и близость крупного города. Санкт-петербургские колонии, расположенные

рядом со столицей, имели лучший доступ к медицинской помощи, что снижало уровень обычной смертности. Однако высокая плотность населения и постоянные контакты с городом способствовали быстрому распространению эпидемий. Напротив, отдалённость сибирских поселений замедляла передачу инфекций в повседневной жизни, но при проникновении инфекций (оспа, тиф) отсутствие вакцинации и врачей приводило к высоким показателям смертности. Эти различия показывают, что демографическое развитие российских немцев не было единообразным и определялось в первую очередь местными условиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бетхер А. Р. Особенности развития хозяйства у различных локальных групп немецкого населения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2004. С. 274–290.

Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч. 2. 222 с.

Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.

Вибе П. П. Сравнительный анализ социально-экономического положения немецких переселенцев Омского уезда на родине и в Сибири в начале XX века // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 88–94.

Вибе П. П. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX — начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Новосибирск, 1998. С. 57–64.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 4, 5, 8.

Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии: Возрастный и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск: Омск. губстатбюро, 1923. 107 с.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 4.

ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5.

ИАОО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 8.

Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск, 1923. С. 61.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Омской губернии. Омск: Омск. отд. Сибгосиздата, 1922. 141 с.

Кайряк А. А. Особенности демографического развития немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в первой половине XIX в. // Историческая информатика. 2023. № 3 (45). С. 28–40. DOI 10.7256/2585–7797.2023.3.44064.

Кёппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. II. С. 181–209.

Кригер В. Э. Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. 204 с.

Маттис А. Э. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX — начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Новосибирск, 1998. С. 57–64.

Наличное население обоого пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб.: паровая типо-лит. Н. А. Ныркина, 1905. С. 36.

Нам И. В. Немецкие колонии в Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С. 17–30.

Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 37. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. 265 с.

Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909. 438 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 828. Оп. 13. Д. 612.

Сведения о состоянии переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей в 1899 г. Омск, 1899. С. 2–3.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 26.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 40.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 144.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 166.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 180.

Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та яз. и лит., 2013. 259 с.

Шайдуров В. Н., Генслер М. С. Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 173–181. DOI: 10.17223/19988613/97/22.

Шайдуров В. Н., Осипов Н. А. Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х — 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия // Вестник РУДН. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 286–298. DOI 10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298.

Юхнёва Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — начало XX вв.: статистический анализ. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 223 с.

References

Betkher A. R. Osobennosti razvitiya khozyaistva u razlichnykh lokal'nykh grupp nemetskogo naseleniya Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Features of Economic

Development among Different Local Groups of the German Population of Western Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev* [Key Problems of the History of Russian Germans]. Moscow, 2004, pp. 274–290 (in Russian).

Brul' V.I. *Nemtsy v Zapadnoi Sibiri* [Germans in Western Siberia]. Topchikha, 1995, pt. 2, 222 p. (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region]. Fund 80. Inventory 1. Files 4 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region]. Fund 80. Inventory 1. File 5 (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region]. Fund 80. Inventory 1. File 8 (in Russian).

Itogi demograficheskoi perepisi 1920 goda po Omskoi gubernii. Vozrastnoi i natsional'nyi sostav naseleniya s podrazdeleniem po polu i gramotnosti [Results of the Demographic Census of 1920 for Omsk Province. Age and National Composition of the Population with Breakdown by Sex and Literacy]. Omsk, 1923, p. 61 (in Russian).

Itogi demograficheskoi perepisi 1920 goda po Omskoi gubernii. Vozrastnyi i natsional'nyi sostav naseleniya s podrazdeleniem po polu i gramotnosti [Results of the Demographic Census of 1920 for Omsk Province: Age and National Composition of the Population with Breakdown by Sex and Literacy]. Omsk: Omsk. gubstatbyuro, 1923, 107 p. (in Russian).

Itogi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1920 goda po Omskoi gubernii [Results of the Agricultural Census of 1920 for Omsk Province]. Omsk: Omsk. otd. Sibgosizdata, 1922, 141 p. (in Russian).

Kairyak A.A. Osobennosti demograficheskogo razvitiya nemetskikh kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [Features of Demographic Development of German Colonies in St. Petersburg Province in the First Half of the 19th Century]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics]. 2023, no. 3 (45), pp. 28–40 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2023.3.44064>

Koeppen P.I. Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom naselenii Sankt-Peterburgskoi gubernii [On the Alien, Mainly German, Population of St. Petersburg Province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1850, part II, pp. 181–209 (in Russian).

Kruger V.E. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie nemetskoi pereselencheskoi derevni Kazakhstana (dorevolutsionnyi period)* [Socio-Economic Development of the German Resettlement Village in Kazakhstan (Pre-Revolutionary Period)]. Diss. kand. ist. nauk [Ph.D. Thesis in History]. Alma-Ata, 1991, 204 p. (in Russian).

Mattis A.E. Dinamika chislennosti nemetskikh kolonistov v Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Dynamics of the Number of German Colonists in Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX veka* [Socio-Cultural Development of Siberia in the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 57–64 (in Russian).

Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam s ukazaniem chisla lits preobladayushchikh rodnykh yazykov [Present Population of Both Sexes by Districts Indicating the Number of Persons of Predominant Native Languages]. St. Petersburg: Parovaya tipo-lit. N.L. Nyrkina, 1905, p. 36 (in Russian).

Nam I. V. Nemetskie kolonii v Sibiri v nachale XX veka v kontekste problemy diaspora [German Colonies in Siberia at the Beginning of the 20th Century in the Context of the Diaspora Problem]. *Nemtsy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.* [Germans of Russia and the USSR: 1901–1941]. Moscow, 2000, pp. 17–30 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva (NA RGO) [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Fund R-108. Inventory 1. File 22 (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [First General Census of the Population of the Russian Empire 1897]. Vol. 37: St. Petersburg Province. St. Petersburg, 1903, 265 p. (in Russian).

Pisarevskii G. G. *Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII veke* [From the History of Foreign Colonization in Russia in the 18th Century]. Moscow, 1909, 438 p. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 828. Inventory 13. File 612 (in Russian).

Shaidurov V. N. *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoi Sibiri XIX — nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th — Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Izd-vo Nevskogo in-ta yaz. i lit., 2013, 259 p. (in Russian).

Shaidurov V. N., Gensler M. S. *Evropeiskie obshchiny i ikh mesto v gorodskom mezhetnicheskom razdelenii truda v kontse XIX — nachale XX v. (na primere Sankt-Peterburga i Tomska)* [European Communities and Their Place in the Urban Interethnic Division of Labour in the Late 19th — Early 20th Centuries (on the Example of St. Petersburg and Tomsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2025, no. 97, pp. 173–181. DOI: 10.17223/19988613/97/22 (in Russian).

Shaidurov V. N., Osipov N. A. *Nemtsy Sankt-Peterburga v 1860-kh — 1914 gg.: chislennost', razmeshchenie, khozyaistvennye zanyatiya* [Germans of St. Petersburg in the 1860s — 1914: Number, Distribution, Economic Occupations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2024, vol. 23, no. 3, pp. 286–298 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>

Svedeniya o sostoyanii pereselencheskikh poselkov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei v 1899 g. [Information on the State of Resettlement Settlements of Akmolinsk and Semipalatinsk Regions in 1899]. Omsk, 1899, pp. 2–3 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 8 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 26 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. Files 40 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 144 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. File 166 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 2294. Inventory 1. Files 180 (in Russian).

Vibe P. P. Dinamika chislennosti nemetskikh kolonistov v Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Dynamics of the Number of German Colonists in Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX veka* [Socio-Cultural Development of Siberia in the 17th-20th Centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 57–64 (in Russian).

Vibe P. P. Sravnitel'nyi analiz sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya nemetskikh pereselentsev Omskogo uezda na rodine i v Sibiri v nachale XX veka [Comparative Analysis of the Socio-Economic Situation of German Settlers of Omsk District in Their Homeland and in Siberia at the Beginning of the 20th Century]. *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoi istorii: obshchie problemy i regional'nye osobennosti* [Germans of Russia in the Context of National History: General Problems and Regional Features]. Moscow, 1999, pp. 88–94 (in Russian).

Vibe P. P. *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt* [German Colonies in Siberia: Socio-Economic Aspect]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2007, 368 p. (in Russian).

Yukhnyova N. V. *Etnicheskii sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga, вторая половина XIX — начало XX vv.: statisticheskii analiz* [Ethnic Composition and Ethno-Social Structure of the Population of Petersburg, Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Statistical Analysis]. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1984, 223 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.06.2026

Принята к публикации: 08.09.2026

Дата публикации: 30.09.2026